Отрывки воспоминаній объ И. П. Долбнѣ.

Е. Е. Семашкевича.

„Учитель въ классѣ, это—фельдмаршалъ".
Слова И. П. Долбни.

Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняю желаніе Совѣта Горнаго Института, переданное мнѣ Е. С. Федоровымъ—подѣлиться моими воспоминаніями о И. П. Долбнѣ. Но, къ сожалѣнію, эти воспоминанія очень непродолжительны. Я зналъ покойнаго, хотя и хорошо, всего три года, въ бытность свою воспитателемъ Нижегородскаго Графа Аракчеева Кадетскаго корпуса. Затѣмъ, служебныя обязанности, постоянно отрывающія меня отъ письменнаго стола, не позволяютъ углубиться въ минувшее и изложить все съ надлежащей полнотой.

Мало сказать, что И. П. былъ талантливый, искусный преподаватель, добивавшійся поразительныхъ результатовъ, онъ былъ исключительный преподаватель, преподаватель-художникъ, владѣвшій въ совершенствѣ тайнами своего искусства. Въ глазахъ большинства школьниковъ всѣхъ видовъ математика пріобрѣла совершенно незаслуженную репутацію скучной, сухой науки. Уроки И. П. были блестящимъ опроверженіемъ этого предубѣжденія. Онъ нетолько умѣлъ возбудить у кадетъ живой захватывающій интересъ къ математикѣ, но ему удавалось пробудить любовь къ ней даже у непримиримыхъ враговъ этой „царственной" науки.

Уроковъ его ждали, какъ особеннаго удовольствія, и не только не радовались но серьезно огорчались, когда И. П., вслѣдствіе болѣзни (что случалось очень рѣдко) не могъ быть въ корпусѣ. И. П., прежде всего, обладалъ удивительнымъ даромъ точнаго, краткаго и яснаго изложенія; того же требовалъ и отъ кадетъ, пріучая ихъ къ математическому языку. Его пламенное увлеченіе, съ которымъ онъ раскрывалъ математическія истины, заражало всѣхъ: не было скучающихъ, зѣвающихъ, поминутно посматривающихъ на часы. Передъ слушателями былъ не только хорошій учитель, но вдохновенный поэтъ-математикъ, весь охваченный родной стихіей. Вставки, блестки ѣдкаго остроумія, внося струю оживленія, поддерживали общее вниманіе. Онъ былъ

строгій, требовательный преподаватель, не создававшій себѣ дешевой популярности цѣною разныхъ поблажекъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ стоялъ къ кадетамъ очень близко, относясь къ нимъ съ трогательнымъ вниманіемъ и сердечностью. Къ злостнымъ лентяямъ, маменькинымъ сынкамъ, поглощеннымъ всецѣло развлеченіями и беззаботнымъ къ своимъ занятіямъ,—онъ былъ безпощаденъ.

Старшіе кадеты иногда заходили къ И. П-чу на квартиру; за стаканомъ чая онъ, вызванный кадетами, разсказывалъ имъ о своей поучительной жизни, полной напряженнаго труда, лишеній, превратностей: сынъ кантониста, онъ, по окончаніи гимназіи, поступилъ въ горный институтъ, который окончилъ, заработавъ стипендію. Въ своихъ бесѣдахъ онъ постоянно говорилъ о любимой математикѣ, о необходимости трудиться надъ дальнѣйшимъ образованіемъ. И глубоко западали въ молодую душу слова любимаго учителя. Отношеніе его къ кадетамъ было отеческое, съ оттѣнкомъ шутливости. Онъ каждому кадету, безразлично къ его возрасту, говорилъ „ты", называлъ ихъ по именамъ, присоединяя къ нимъ прозвища: Чичиковъ, мистеръ Пикквикъ, Ваня съ большими бачками и т. п... Кадетамъ очень нравилась эта простота отношеній, она нисколько не ослабляла школьной дисциплины; скорѣе—наоборотъ.

Какъ сильный человѣкъ, И. П. могъ своей властной рукой повернуть классъ куда-угодно: взрывъ смѣха, по одному его жесту, смѣнялся глубокимъ молчаніемъ. Онъ не любилъ жаловаться на кадетъ, никогда не записывалъ кадетъ въ журналъ, предпочитая самому съ ними раздѣлаться. Если же воспитатель предлагалъ наказать виновнаго за дурной баллъ, или замѣченную шалость, И. П. это отклонялъ, говоря: „я его самъ по-отечески *высѣку*". И, дѣйствительно, больно *сѣкъ* моральными розгами, смоченными въ ѣдкомъ разсолѣ его колкаго остроумія; каждый охотно предпочиталъ карцеръ, или лишеніе отпуска этой педагогической расправѣ, которая долго не забывалась.

Послѣ дружной напряженной работы требовалась передышка. До конца урока оставалось полторы, двѣ минуты, И. П. доволенъ своими „мальчишками", веселъ, улыбается и, обходя парты, предлагаетъ кадетамъ содовыя лепешки, которыми онъ лечилъ свой застарѣлый катарръ—наслѣдіе полуголодныхъ дней юношества.

— Иванъ Петровичъ, позвольте посидѣть на пяткахъ, позвольте, позвольте!

И. П. благодушно разрѣшалъ. Сидѣть на пяткахъ—значило, что урокъ конченъ и начался „вольный разговоръ" о литературѣ, корпусныхъ событіяхъ и пр.

Страстно любя математику и настойчиво занимаясь ею, И. П. не былъ узкимъ спеціалистомъ, которому чужды и другія науки и запросы жизни. Онъ, занятый научными работами, откликался на все: его интересовала литература русская и иностранная, исторія и общественныя науки. Диккенсъ, Маколей, Салтыковъ были его любимыми писателями. Обладая удивительной памятью, онъ могъ наизусть произносить цѣлыя страницы. Онъ былъ прирожденный ораторъ, но скромное поприще педагога не давало ему возможности развернуть во всю свой недюженный талантъ. Однообразный учительскій трудъ его угнеталъ и связывалъ ему крылья; извѣстный своими математическими работами, напечатанными въ парижскихъ спеціальныхъ журналахъ, онъ

искалъ другой аудиторіи: классъ кадетскаго корпуса ему былъ тѣсенъ. Окончаніе курса въ технической высшей школѣ препятствовало ему получить ученую степень и каѳедру. Это его раздражало. Онъ дѣлался желчнымъ, несдержаннымъ... Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, онъ былъ приглашенъ въ Горный Институтъ на должность профессора математики. Это было большимъ торжествомъ и гордостью не только для него, но и для всего военно-учебнаго вѣдомства, которому онъ отдалъ лучшіе годы.

Онъ высоко ставилъ званіе учителя (именно *учителя*, а не преподавателя—этого слова онъ не любилъ).

„Учитель въ классѣ—это фельдмаршалъ, главнокомандующій на полѣ битвы", любилъ онъ повторять это сравненіе.

Приводя его слова, можно смѣло сказать, что онъ самъ былъ *учителемъ-главнокомандующимъ*. Онъ крѣпко держалъ въ желѣзныхъ рукахъ весь классъ; всѣ подчинялись его подавляющему авторитету, всѣ съ какимъ-то умиленіемъ преклонялись передъ мощью его рѣдкаго ума.

Въ классахъ у него была та идеальная дисциплина, которая поддерживается не „инструкціями" и „правилами", не страхомъ наказанія, а всецѣло создается самимъ учителемъ, его личнымъ авторитетомъ, его собственными усиліями и тактомъ, не ищущими постоянной помощи извнѣ. И человѣкъ, и педагогъ онъ былъ смѣлый, отважный, рѣшительный, не любившій компромиссовъ, не умѣвшій лавировать. Онъ шелъ на-проломъ и имѣлъ много столкновеній...

Тяжелая жизнь не могла не наложить на И. П. своего жесткаго отпечатка: онъ былъ вспыльчивъ, рѣзокъ, желчно-раздражителенъ въ своихъ сужденіяхъ; но подъ оболочкой строгости и даже искусственной суровости скрывалось мягкое, доброе сердце, отзывавшееся на всякое горе всякаго человѣка, будь то сослуживецъ, или кадетъ, огорченный своими школьными неудачами.

Чуткая молодежь, ищущая повсюду ласки, опоры, шла къ своему учителю, какъ къ источнику свѣта и тепла.

И. П. былъ чрезвычайно яркой, самобытной и богато одаренной натурой. Въ бѣглыхъ и блѣдныхъ штрихахъ нѣтъ возможности обрисовать его. Но я буду радъ, если мои отрывочныя воспоминанія дадутъ хоть нѣкоторый матеріалъ для біографіи этого замѣчательнаго педагога и ученаго.